

Марина СЕРОВА

САМЫЙ УСПЕШНЫЙ ПРОЕКТ ГОДА

*Испанский сапожок
на шпильке*

ДЕТЕКТИВ
АТЕЛЬЕ
МАРИНА
ТИ

Марина С. Серова
Испанский сапожок на шпильке
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166995
Испанский сапожок на шпильке: Эксмо; М.: 2005
ISBN 5-699-12799-2*

Аннотация

На чем только люди не делают деньги: на войне и мире, на счастье и несчастье, на красоте и даже... на уродстве. Безумная идея безумной предпринимательницы, мечтающей о высшей кинематографической премии Оскар за оригинальность сюжета, положила начало целой серии загадочных убийств. Жертвы объединены одной общей чертой – редкостным уродством. В результате расследования частный детектив Татьяна Иванова выходит на таинственный клуб «Гуинплен».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	32
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Марина Серова

Испанский сапожок на шпильке

Глава 1

Контрасты восприятия

Мне понадобилась всего одна минута, чтобы добежать до своего подъезда, однако я успела вымокнуть до нитки. Это был летний вечерний дождь. Теплый и обильный. Моя бедная машина осталась мокнуть возле дома, а я, нагруженная пакетами с едой, уже поднималась на свой этаж. Почему-то в такую погоду всегда хочется есть. Так было и в тот вечер. Я приняла душ, надела свою любимую пижаму, затем сделала несколько сложных бутербродов и, сунув их в микроволновку, заварила чай. Затем, заставив поднос едой, устроила его прямо на кровати, куда забралась сама, села по-турецки и включила телевизор. Показывали какой-то крутой боевик, кровь лилась рекой, спортивные эмансипированные женщины двумя-тремя сокрушительными ударами выбивали дух из накачанных гориллоподобных мужчин. Глядя на все это, я начинала ощущать себя просто жалкой, мокрой

и слабой мышкой... Майонез капал на мои роскошные пижамные брюки в розовый и зеленый цветочек, а я ничего не чувствовала, кроме вкуса ветчины, зеленого салата, маринованных огурчиков и теплого швейцарского сыра. Я была так увлечена бутербродами и боевиком, что не сразу сообразила, звонят ли в дверь или надывается телефон. Вообще-то клиенты обычно начинают меня беспокоить рано утром. Я взглянула на часы и почувствовала подступающую волну раздражения на незваного гостя: в кои-то веки выдался свободный вечерок, и надо же вот так сломать мне весь кайф! Но делать было нечего, и я пошла открывать. Посмотрев в «глазок», я увидела незнакомую женщину. Как правило, женщины обращались ко мне лишь в крайних случаях, и их визиты так или иначе были связаны с изменой мужа. Это были легкие, но совершенно неинтересные для меня как для профессионала дела. Подумаешь, проследить за мужем и составить список мест, где ему приходится бывать, затем вычислить круг общения, а дальше все идет по накатанной дорожке: адрес любовницы, места их встреч, привычки и все такое прочее. Остается только застать их с так называемым поличным – и моя работа считается завершенной. Я говорю, работа непыльная, платят хорошо, но нудно все это как-то, даже пошло. Быть может, поэтому я настроилась совершенно определенным образом на свою ночную гостью.

– Вы Татьяна Иванова?

И я отлично поняла ее вопрос. В таком виде, в каком она

меня застала – заляпанная майонезом пижама, мокрые после душа волосы и почти детское лицо без косметики, – я меньше всего походила на частного детектива. Так, десятиклассница какая-то.

– Да, я Татьяна Иванова, проходите, пожалуйста.

Это была молодая, очень красивая женщина в строгом черном костюме. Судя по тому, что лишь несколько дождевых капель застряли в ее волосах, она приехала ко мне на машине, которую остановила прямо у подъезда. Кроме того, в руках ее был красно-оранжевый зонт. Из чего я сразу сделала вывод, что дело, с которым она ко мне пришла, не настолько уж серьезное, раз эта дамочка не забыла даже про зонт. Обычно люди в экстремальных ситуациях – а ко мне обращаются в основном именно в таких случаях – забывают не только о зонтах, но и о самых элементарных вещах, словом, находятся в прострации. Здесь же налицо был порядок во всем, начиная с внешности и кончая манерой держаться. Такую женщину трудно смутить или испугать. И уж изменой мужа ее не удивить, это точно. Я провела ее в комнату, а сама, забежав в спальню, проглотила остаток бутерброда, запила чаем, переоделась, расчесала волосы и вернулась к посетительнице в более удобоваримом виде.

– Я вас слушаю.

– Мне много рассказывали о вас, но я и не предполагала, что когда-нибудь воспользуюсь вашими услугами. Дело в том, что пропала моя сестра, Соня. Ей двадцать восемь лет,

она совершенно взрослый и ответственный человек.

– Вы уже обращались в милицию? И вообще, как давно она пропала?

– Да, я обратилась в милицию, но сделала это скорее ради порядка, нежели в надежде на то, что мне помогут ее отыскать. Вы же знаете, как работает наша милиция. Соня ушла из дому всего два дня тому назад. В милиции мне сказали, чтобы я не паниковала раньше времени, что моя сестра могла просто куда-нибудь уехать, и все в таком роде... Но надо знать Соню, прежде чем рассуждать подобным образом. Соня – человек крайне организованный и дисциплинированный, что, впрочем, одно и то же. Понимаете, Таня, – можно я буду вас так называть? – Соня НЕ МОГЛА уйти, не сказав нам об этом...

– Кому это ВАМ?

– Мы живем втроем в одной квартире: я, мой муж и Соня.

– Вы ладите со своей сестрой?

– Я – да, а вот с моим мужем у них постоянно были какие-то сложности... Но ведь это именно он настоял на том, чтобы мы жили вместе, поэтому здесь трудно что-то объяснить...

– Вы хотите сказать, что ваша сестра ушла из-за ссоры с вашим мужем?

– Думаю, что да. Видите ли, в ту ночь я не ночевала дома, я была у своей приятельницы. Мы иногда собираемся, я и мои подруги, и устраиваем что-то вроде вечеринок с бриджем и

прочими безобидными вещами. Так вот, как правило, после таких вечеринок я всегда оставалась ночевать у Насти, так зовут мою подругу. А когда я вернулась, то поняла, что дома что-то произошло. Мой муж – человек невыдержанный, его постоянно приходится контролировать, но в целом он добрый и порядочный. Это я говорю просто к тому, чтобы вы поняли, в каком обществе и в каких условиях живет Соня.

– А почему вы решили, что что-то произошло? По каким признакам?

– Ну, во-первых, у Эдика был очень виноватый вид, а во-вторых, в доме все было перевернуто вверх дном! Стулья опрокинуты, подушка валялась на полу...

– Это они что же, выходит, дрались? Ваш добрый и, как вы говорите, порядочный муж дрался с вашей сестрой?

– Да, – она опустила голову и покраснела, – они поссорились. Соня была очень импульсивным человеком и могла в порыве злости швырнуть в кого-нибудь что-нибудь тяжелое...

– Она была психически здорова?

Мы и не заметили, как стали говорить об этой девушке в прошедшем времени.

– Абсолютно. Здоровее нас с вами.

– Просто вы как-то странно рассказываете о ней. В нормальных семьях не принято драться. Может, ваш муж позволял себе с ней какие-нибудь вольности?..

– Вот мы и подошли к самому главному, – неожиданно

сказала она, – мой муж НЕ МОГ позволить себе какие-нибудь вольности по отношению к Соне, как вы только что выразились. Так же, как и никто другой.

– Это еще почему? – не поняла я.

– Потому что Соня... не знаю даже, как вам сказать... Словом, она некрасива. Она ОЧЕНЬ некрасива. Она даже, я бы сказала, УРОДЛИВА. Вот взгляните на меня. Что вы можете сказать о моей внешности?

Я пожала плечами. Наверяд ли моя посетительница запрашивалась на комплименты.

– Вы, извините, я даже не знаю вашего имени, довольно привлекательная женщина. У вас правильные черты лица, красивые глаза, аккуратный нос, роскошные волосы... – еще немного, и я начала бы объясняться ей в любви. – Но ведь Соня ваша родная сестра? Почему же она так не похожа на вас?

– Да, Соня моя родная сестра, но тем не менее мы с ней совершенно не похожи. В этом-то и все дело.

– У вас есть ее фотографии?

– Конечно. Вот. – Она достала из сумочки пачку фотографий и рассыпала их по столу.

Я, признаться честно, еще ни разу в жизни не видела таких уродок. Казалось, Создатель сделал все для того, чтобы эту девушку никто и никогда не смог назвать хорошенькой. Если у ее сестры было идеальной формы лицо, большие глаза да и вообще она по общепринятым эстетическим законам – если,

конечно, такие существуют – была красавицей, то Соня обладала всеми противоположными характеристиками по части внешности. У нее было вытянутое лицо с широкими скулами, глубоко посаженные глаза, расположенные к тому же близко друг от друга, крупный, с горбинкой, нос и большой, с тонкими губами, рот. Но портрет ее не будет полным, если не упомянуть бесцветные, паклеобразные, непослушные волосы (фотографии были цветные, поэтому мне было легко представить Соню в натуральном виде).

– Теперь вы понимаете, что никаких ТАКИХ отношений у Сони с кем бы то ни было быть не могло. Она не привлекала к себе мужчин. Она была страшно одинока. И только исходя из этих соображений Эдик и предложил нам жить вместе. У нас большая квартира, в ней пять комнат, мы совсем недавно переехали туда... У Сони была своя комната. По-моему, вполне справедливо.

– А как отнеслась сама Соня к этому предложению? Она была согласна жить с вами?

– Разумеется.

– Но, как вы думаете, из-за чего возникла ссора? Неужели ваш Эдик вам ничего не рассказал?

– Он сказал, что Соня собиралась устраиваться куда-то на работу, а он просто посоветовал ей не тратить попусту время. Он всегда говорил ей, что мы достаточно зарабатываем, чтобы обеспечить и ее, но она хотела быть независимой...

– По-моему, это так естественно... – заметила я.

– Вы правы, но мы-то знали, что ее очередной поход закончится очередным унижением... Соня – хороший бухгалтер, но после того, как ее сократили, она не может устроиться на работу из-за своей внешности. Так чего, спрашивается, тратить время? Чтобы услышать очередной отказ?

– Вы хотите сказать, что так любите свою сестру, что готовы содержать ее всю жизнь?

– А что в этом плохого?

– Но разве не унизительно осознавать, что ты живешь на содержании у родственников?

– В какой-то мере да, конечно. Но что же нам делать?

– Можно я выскажу предположение?

– Ну...

– Мне кажется, что ваш муж попросту упрекнул ее куском хлеба, после чего Соня и ушла от вас. В таком случае вы действительно преждевременно засуетились. Она вернется. Просто ей необходимо какое-то время, чтобы забыть все, что сказал ей ваш муж, и простить его. Кстати, вы так и не представились.

– Александра Коробко.

– А сестру вашу, соответственно, зовут Софья Коробко, так?

– Так.

Мне показалось, что моя посетительница находится в какой-то нерешительности. Она что-то собиралась сказать мне.

– Если вы беспокоитесь относительно денег, – наконец произнесла она, – то совершенно напрасно. Я знаю, сколько вы берете за свои услуги, и готова заплатить прямо сейчас.

– То есть вы настаиваете на том, чтобы я незамедлительно принялась за поиски вашей сестры. Я правильно вас поняла?

– Да. С Соней что-то случилось. Я чувствую это. Она не могла вот так просто уйти и даже не позвонить.

– Аванс в тысячу долларов, плюс текущие расходы, плюс список ее знакомых: коллег, друзей, подруг, словом, всех, с кем она общалась последнее время. Телефоны, адреса, координаты...

– Я все это предвидела. – Александра достала из сумочки блокнот и протянула его мне. – Вот, здесь все. Вера Холодова – ее одноклассница, сейчас она парикмахер, они дружат лет двадцать, наверное...

– Кстати, вы не звонили ей или кому-нибудь еще, может, она у них?

– Звонила, конечно. Ее никто не видел. Стала бы я беспокоить вас, если бы знала, где она... Можно считать, что мы договорились?

Я кивнула головой и предложила ей чаю. Она отказалась. Достала деньги и выложила их на стол.

– Столько хватит?

– Да. – Я понимала, что дело не стоит выеденного яйца, но мало ли что... У меня еще в тот момент мелькнула мысль, не помочь ли этой несчастной Соне устроиться на хорошую

работу? И почему бы не взять ее в свой штат, тем более что в моей конторе никого, кроме меня, разумеется, до сих пор не было. Будет помогать мне по хозяйству, выполнять различные поручения и почувствует себя человеком... Я увлеклась своей благотворительной идеей и не сразу заметила, что Александра уже прощается со мной в прихожей.

— ... Так когда мне вам позвонить, чтобы справиться о результатах? Ведь я перестала спокойно спать и, знаете, все время ощущаю свою вину... А Эдик спит себе и ничего не чувствует...

— Вы можете звонить мне в любое время. Если же вам удастся что-нибудь узнать дополнительно, звоните обязательно.

Она ушла, а мое лирическое настроение улетучилось вместе с ароматом духов, который принесла с собой Александра Коробко. Чай я так и не допила. Вместо боевика по телевизору показывали не менее крутой эротический фильм. И я подумала, что Соню Коробко было бы неплохо пристроить на главную роль какой-нибудь секс-бомбы. Но мой внутренний голос, который ведет более нравственную жизнь, нежели остальная моя суть, сказал мне: «Таня, не будь сволочью. Нехорошо смеяться над человеческим горем». И я пообещала не быть сволочью.

Глава 2

Палач-эстет

Рано утром я набрала номер домашнего телефона Веры Холодовой, подруги Сони.

– Я вас слушаю, – раздался в трубке приятный женский голос.

– Меня зовут Таня, я бы хотела встретиться с вами и договориться о прическе. Видите ли, я выхожу замуж, и мне порекомендовали именно вас.

– Но понимаете, я ведь не делаю на дому.

– Так сделайте. Запишите мой адрес. Прихватите все необходимые вещи и приезжайте.

– Где вы живете? – недолго раздумывая, сдалась Вера.

Я сказала.

Через час она уже входила в мою квартиру. Первое, что пришло мне в голову, – так это то, что у Сони красивая не только сестра, но и лучшая подруга. Большеглазая, с пухлым ртом и совершенно потрясающей гривой светлых густых волос, Вера наверняка пользовалась успехом у мужчин.

Я пригласила ее в комнату и объяснила, что замуж выходить пока не собираюсь, что все мужики... Словом, дежурный набор точных характеристик, которые всегда действуют как пароль и позволяют сблизиться и лучше понять друг дру-

га женщинам, к какому бы социальному слою они ни принадлежали. Услышав затем имя Сони, Вера заметно погрузнела.

– Если за дело взялся частный детектив, значит, это серьезно.

– Вы хорошо знаете ее сестру, Александру?

– Сашу? Конечно, знаю. Не могу понять только, зачем ей понадобилось искать Соню. Она же ее терпеть не может. Ей бы радоваться, что сестра пропала. Ведь чтобы нанять детектива, какие деньги надо отвалить, – искренне сокрушалась Вера, – странно все это как-то.

– Вы хотите сказать, что Саша не любила Соню?

– Дело не в любви. Просто Соня была у них как бельмо на глазу. Она же последнее время нигде не работала. Если бы вы знали, как Соня страдала из-за этого. Она пробовала устроиться даже не по специальности. Пыталась лоточницей на рынок, представляете? Не взяли. «Вы всех покупателей распугаете» – так и сказали. Она в последнее время даже почти ничего не ела. Придет ко мне, я ее накормлю. Вообще-то она человек скрытный. Кто ее знает, вдруг действительно решила уехать из этого города и попытать счастья где-нибудь в другом.

– А когда вы видели ее в последний раз?

– Дня четыре назад. Она приехала ко мне в парикмахерскую и попросила подержать дома какой-то сверток. Я думаю, что она что-нибудь купила из тех денег, которые ей

Эдик давал на хозяйство, а показать дома боится.

– И этот сверток у вас?

– Конечно.

– Скажите, Вера, какая она, Соня? Я понимаю, это сложный вопрос, и все-таки...

– Она очень независимый человек. И гордый. Если у вас была Сашка, то она наверняка показывала вам Сонины фотографии. Она их просто коллекционирует. Мне кажется, что ей даже доставляет удовольствие показывать их другим... Вот, мол, посмотрите, какая у меня страшная сестра. Вероятно, именно поэтому у Сони так обострено чувство независимости.

– Она вам что-нибудь рассказывала о своих последних попытках устроиться на работу?

– Рассказывала, но буквально в двух-трех словах. Мол, отказали.

– А что касается ее личной жизни... Она ни с кем не встречалась?

– Как ни странно, но у нее был парень. Игорь Волостнов. Они познакомились в прошлом году на теплоходе «Михаил Калинин». Это Эдик ей купил путевку...

– А вы не в курсе, какие отношения были у Сони с этим Игорем? Вы понимаете, что я имею в виду.

– Понимаю. Но я еще раз хочу сказать, что Соня – очень скрытный человек. Может быть, даже у них что-то было. Во всяком случае, когда Соня о нем говорила или просто упо-

минала его имя, глаза выдавали ее с головой.

– А вы видели его?

– Нет.

– А какие отношения у нее были с зятем, Эдиком? И что это вообще за птица?

– Эдик? Бизнесмен. У него несколько магазинов, он типичный «новый русский». Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Они денег не считают. Но если Сашка пытается хоть как-то выглядеть, следит за своими манерами и старается произвести впечатление интеллигентной особы, то Эдик в отличие от нее напоминает грубое животное... Хотя он тоже любит пустить пыль в глаза, проводит громкие благотворительные акции и просто тащится, когда о нем пишут в местных газетах.

– Саша рассказывала, что накануне исчезновения Сони у Эдика с ней что-то произошло... Говорила об опрокинутой мебели... Мне показалось это странным. Саша сказала, что Соне ничего не стоит запустить в собеседника каким-нибудь тяжелым предметом. Это правда?

– Ерунда. Соня – воспитанная девушка, она никогда ничего подобного себе позволить не могла. Просто Сашке за чем-то понадобилось соврать.

– Она говорит, что все время ощущает свою вину.

– Не верьте ей. Она ничего, кроме своих амбиций, не ощущает. Только мне все равно непонятно, зачем она обратилась к вам.

– Судя по тому, что вы мне сейчас рассказали о Соне, и учитывая, что у семьи Коробко денег куры не клюют, скорее всего они обратились ко мне для очистки совести. Возможно, у них действительно рыльце в пуху. Ведь вы сами говорите, что Соня – скрытный человек...

Я понимала, что разговаривать таким образом можно часами. Передо мной сидела скромная парикмахерша, которая потратила кучу времени на то, чтобы рассказать мне о своей подруге. Но, как известно, время – деньги. И поэтому я заплатила ей столько, сколько должна была бы заплатить, сделай она мне свадебную прическу, да еще с учетом того, что она приехала ко мне домой. И записала все это в статью расходов, в блокнот, оставленный мне Сашей Коробко. Они же все равно денег не считают.

Вера ушла от меня в полном шоке и обещала помогать мне в поиске своей лучшей подруги.

Я же после ее ухода позвонила Игорю Волостнову, но мне никто не ответил. Тогда я оделась и поехала к нему домой.

Он жил в центре города, в доме, где раньше обитало все наше обкомовское начальство. Только если тогда этот дом охранялся, то теперь в этом не было нужды. Зато осталась комнатка консьержа.

Я поднялась на второй этаж, остановилась перед массивной дверью, обитой рыжей искусственной кожей, и позвонила. Мягкий переливчатый звон не произвел никакого эффекта: мне никто не открывал.

Я вышла во двор, села на скамейку и стала ждать. Но время шло, ни одного молодого мужчины я не заметила. Пообедав в частном ресторане, расположенном неподалеку, я снова вернулась на скамейку – свой наблюдательный пункт. И просидела так еще целый час, исправно отрабатывая аванс. Но безрезультатно. И вот часа в четыре, когда я поняла, что просто-напросто засыпаю на своем посту, из дома вышла представительная дама в сиреновом прозрачном платье и, оглядев меня с головы до ног, заметила:

– Я слежу за вами с тех самых пор, как вы сюда пришли. Вы не обижайтесь, но позвольте узнать, кого вы ждете? У нас тут недавно ограбили две квартиры, поэтому обстоятельства вынуждают нас быть бдительными...

У нее был приятный жирненький голос.

– Я жду Игоря Волостнова из третьей квартиры.

– Знаете, – она как будто даже обрадовалась, – я почему-то так сразу и подумала. Но его не будет теперь до самого вечера. К нему приехали какие-то друзья из Москвы.

– Друзья?

– Он ведь журналист, хотя и бывший... Учился, кажется, в Москве. Так к нему иногда приезжают не только из Москвы, но и из других городов. Но что это я вам о нем рассказываю, вы же, наверное, знаете о нем побольше моего...

– Нет, просто я ищу одну общую знакомую... Соню. Я ей должна деньги, но не могу ее найти. Может быть, вы видели ее? – И я, понимая Сашу, которой доставляло удовольствие

приводить в замешательство людей фотографиями сестры, последовала ее примеру и достала снимки. Женщина в сиреневом платье смотрела на фотографию и качала головой в какой-то прострации. Наконец сказала:

– Ну точно, это она. Я встречала ее с Волостновым и, знаете, не могу понять, что между ними может быть общего. Вы видели Игоря?

– Нет.

– То-то и оно, что не видели. Он же просто красавец. Но они гуляли вместе, я столько раз наблюдала за ними из окна... Вы не подумайте, что я такая уж любопытная. Просто очень странная парочка.

И тут этой представительной особе, очевидно, пришло в голову, что я могу быть близкой подругой или вообще родственницей Сони, и она как-то осеклась и пристально посмотрела на меня.

– А вы ей кто?

– Отчим, – сказала я и поднялась со скамейки, давая понять, что разговор окончен. – А что касается того, с каким жаром вы мне рассказывали о ней, то позвольте заметить, что внешность подчас бывает обманчивой. И не всегда красота приносит счастье. Вы вот счастливы?

Она фыркнула:

– Положим, что счастлива, ну и что?

– А то, что ваше лицо напоминает мне заварочный чайник с отколотым носиком, но ведь нашелся мужчина, который

полюбил вас... Вы поняли меня?

— Да вы к тому же еще и грубиянка! — закричала она, явно стараясь привлечь ко мне внимание прохожих. — Наводчица!

— Еще одно слово, старая карга, и тебе придется обращаться в собес за дополнительным пособием на лечение. — С этими словами я схватила ее за ухо и слегка подтянула вверх. Она поняла, что если будет возникать и дальше, то я оторву ей ухо и заберу его с собой.

Я встала и медленно двинулась к арке, ведущей на улицу, откуда доносился шум проезжающих машин. Уже за рулем, чувствуя, как горячий воздух обвеивает мое лицо, я подумала о том, что сегодня к вечеру наверняка снова пойдет дождь. Ну и пусть, возможно, спадет жара, и мне будет лучше думать. Я, честно говоря, пока не знала, где мне дальше искать Соню. Поэтому решила вернуться домой и погадать, что я и сделала, выпив предварительно чашку крепкого кофе. Опрокинув чашку, я внимательно посмотрела на кофейный пейзаж. И очень удивилась, увидев церковные купола с крестом наверху. Что бы это значило? Уж не ударилась ли Соня Коробко в религию? А почему бы и нет? Люди с такими сильными комплексами нередко находят спасение и успокоение в церкви. Это вполне реально. Но в нашем городе три церкви. Я достала недавно купленный альбом с прекрасными выполненными фотографиями местных достопримечательностей и без труда определила, какая именно церковь отразилась на дне моей кофейной чашки. «Утоли моя печали».

Надо было действовать. Я снова надела джинсы, куртку и, прихватив на всякий случай зонт, собралась уже было выйти из дому, как раздался телефонный звонок.

– Слушаю. Говорите.

– Таня? Это Сергей Никитин. К тебе можно сейчас подъехать?

Это был мой давний приятель, вместе с которым мы отдыхали в Тунисе, а потом как-то встретились в казино, и мне пришлось выручить его деньгами... В принципе это был безотказный и достаточно смелый парень. Он пытался ухаживать за мной, но, познакомившись с моим образом жизни, понял, что это совершенно бесперспективное занятие. Поэтому у нас были просто дружеские отношения, которые все равно граничили с чем-то похожим на влюбленность. Все-таки сохранилась какая-то приятная недоговоренность, недо... Короче, он мне нравился. Поэтому, услышав его голос, я почувствовала легкое и очень приятное волнение.

– Приезжай, я тебя жду, – ответила я и положила трубку. Он приехал минут через пять, из чего я сделала вывод, что он звонил из автомата где-то рядом с моим домом. Выглядел он расстроенным.

– Что случилось, Сережа? На тебе лица нет. Только не говори, что ты вляпался в какую-нибудь жуткую историю. Мне бы хотелось, чтоб хотя бы у тебя все было хорошо.

– Ты знаешь, мне бы и самому этого хотелось. Но сегодня утром нашли моего друга. Мертвым. Ты себе не представ-

ляешь, какой это был парень. У него сроду не было врагов. Прекрасный электронщик, золотые руки.

– Как это произошло? Его что, убили?

– Его нашли в городском парке, на скамейке. Прохожие видели его и думали, что он просто спит или пьяный, ну как обычно...

– Каким образом его убили?

– Выстрел в спину. И никто ничего не слышал. Там еще такое место в этом парке, глухое, прямо над прудом, подальше от лодочной стоянки...

– Ты хочешь, чтобы я нашла убийцу?

– Мне бы не хотелось обременять тебя, я знаю, что у тебя и так много дел, но Виталька был моим лучшим другом. Мы дружили с детства. Я знаю всех его знакомых, у него не было врагов. Единственное, за что могли убить такого безобидного человека, – это если он оказался невольным свидетелем какого-нибудь преступления. Но, с другой стороны, у него в жизни только два маршрута: работа и дом. Он нигде не бывает, его клещами на улицу не вытянешь.

– Ты разговаривал с его близкими? Кстати, с кем он жил? У него есть семья?

– Последнее время он жил один. Его отец вторично женился и переехал к той женщине.

– Когда ты видел его последний раз?

– Вчера же и видел. Получается, что за несколько часов до смерти.

– Он говорил о том, что собирается в парк или еще куда?

– Нет. Он просто сказал, что скоро у него появятся деньги и он сможет купить себе компьютер.

– Тогда, может быть, его смерть как-то связана с этими деньгами? Возможно, он сделал какую-то работу, а ему не заплатили... – Я говорила все это в пространство, в воздух, просто бросала мысли, чтобы потом, путем поиска и анализа, выйти на основную причину убийства. Где он сейчас?

– В морге. Я-то, собственно, и хотел, чтобы ты поехала вместе со мной. Я не трус, но действительно боюсь.

– А как ты узнал о его смерти?

– Мне позвонил его отец, а ему позвонили из милиции.

– Тогда едем.

* * *

Как правило, в каждом городском морге у меня есть знакомые. Патологоанатомов и экспертов хлебом не корми, а дай выпить. Они же не просыхают. Поэтому, прежде чем поехать в Овчинников переулок, мы заскочили в магазин и купили коньяк и закуску.

– Я понимаю их, – сказал Сергей, зажимая нос – мы спустились в подвал, где находился морг. – Если не пить, то можно просто сойти с ума.

– Мы скажем, что ты – его брат, а я – сестра. Понял? Это просто на всякий случай, если там дежурит новенький. Он

меня не знает.

Но новенький уже минут через пять стал «стареньким». Это произошло после того, как я достала коньяк и поставила бутылку на стол. Очевидно, я сделала это с таким знанием дела, что и он решил не усложнять обстановку и прямоком отправил нас в зал, где на столе, обитом цинковым железом, лежало тело, прикрытое рыжей клеенкой.

– Это он? – спросил Валентин, так звали патологоанатома.

Под клеенкой я увидела невысокого мужчину, обросшего густой темной шерстью. У него было необыкновенное лицо. Низкий, очень низкий лоб, большие глаза, сплюснутый нос с крупными побелевшими ноздрями и толстые, словно вывернутые губы. Тонкие руки с большими кистями (я заметила, что на мизинце правой руки у него очень длинный жесткий и желтый ноготь, такие ногти можно встретить у людей, которым часто приходится подкручивать им что-то вместо отвертки), кривые, непропорционально короткие ноги и очень большой половой орган.

– Да, это он, – сказал дрогнувшим голосом Сергей и отвернулся.

– Насколько я понимаю, его еще не вскрывали?

– Нет еще. Шеф запаздывает. Уже и бумага из прокуратуры пришла. Скоро явится, тогда и начнем.

– Валентин, я могу посмотреть пулевое отверстие?

– Для прекрасной дамы чего только не сделаешь, – вздохнул Валентин и, взяв тело под мышки, с легкостью перевер-

нул его на живот. Я увидела то, что хотела. Судя по всему, стрелявший находился совсем рядом.

– Пулю еще не извлекали?

– Говорю же, шеф запаздывает.

– Валентин, возможно, нам с вами еще предстоит встретиться, и не раз, вы позволите мне позвонить вам или приехать, чтобы кое-что выяснить... – я, как могла, улыбнулась.

– Без проблем. Я уже понял, что вы никакая не сестра. Мне шеф о вас рассказывал. Ни одну нормальную женщину сюда не заманишь, во-первых, а во-вторых, вы привозите всегда один и тот же коньяк... Армянский, пять звездочек. И лимоны. Ведь вас зовут Таня?

– Эсмеральда, но это к делу не относится. Так мы договорились?

* * *

Мы вышли с Сергеем из этого мрачного заведения и жадно вдохнули свежий воздух. Как я и предполагала, пошел дождь. Вернее, на землю падали лишь первые капли. Я заметила на глазах Сергея слезы.

– Послушай, я понимаю, конечно, что все это прозвучит сейчас нелепо, и все-таки: у твоего Виталия были женщины?

– Были. Иногда. Ты же видела его. Какая женщина захочет спать с таким некрасивым мужчиной. Хотя была у него подруга, каких еще поискать... Он молчун, но я понял, что

это была женщина высокого полета. Работала то ли в горисполкоме, то ли в обкоме, не могу сказать точно. Я видел ее один раз, когда она пришла к нему, а я там оказался случайно. Молодая, красивая. Она чуть с ума не сошла от страха, когда увидела меня. То ли муж у нее крупная фигура в городе, то ли еще что-то, но только Виталька просил меня забыть об этой встрече.

– А ты слышал о том, что некоторым женщинам нравятся такие мужчины?

– Какие?

– А вот такие, некрасивые. Это их возбуждает.

– Теперь будешь ждать результатов экспертизы?

– Нет. Я действую по своим методам. Картина в целом ясна. Скорее всего его и убили в парке. Сначала я думала, что его убили в другом месте, а в парк принесли или привезли, а когда увидела тело, то поняла, что его убили в парке. На нем ни одного следа, свидетельствующего о том, что тело перемещали, да и застывать тело начало в позе, которая характерна для человека, сидящего на скамейке. Судя по трупным пятнам и цвету кожи, смерть наступила вчера вечером. Точнее определить не могу.

– Ну ты и даешь! Скажи, ты сможешь мне найти убийцу?

– Помогу. Запиши на листочке все его данные... – Я автоматически продиктовала ему дежурный набор слов и поймала себя на мысли, что не удивлюсь, если сегодня вечером ко мне явится еще кто-нибудь с подобным делом. Что, если

мне на время куда-нибудь спрятаться? Затаиться?

– Я позвоню тебе, – прервал ход моих мыслей Сергей. – У тебя странный вид, словно ты где-то далеко-далеко...

– Правильно, так оно и есть. Если ты не возражаешь, я высажу тебя вот здесь, у светофора, а сама поеду одна, хорошо?

– Конечно. – Сергей вышел из машины и, как-то рассеянно помахав мне на прощание рукой, медленно побрел вдоль дороги.

Я же свернула в узкий проулок и, проехав примерно сотню метров, выехала на Музейную площадь. На автобусной остановке толпились загорелые, а если точнее, то обгорелые дачники с воспаленной кожей лица и ведрами в руках. Дождь пригнал их в город. Хотя настоящего дождя пока еще не было. Так, смурь какая-то. Купола церкви, куда и лежал мой путь, потемнели от нависших над ними туч и стали темно-оранжевыми.

Возле входа в церковь стояли нищие, но это были не хрестоматийные нищие, а просто пьянь, готовая на что угодно, лишь бы раздобыть денег на выпивку. Одутловатые лица пожилых женщин, «косящих» под инвалидов и нищих, глядели на мир полубезумными глазами и ничего своим видом, кроме отвращения, не вызывали.

«Зачем я здесь?» – думала я, пробираясь между ними, входя в полутемное пространство церкви и ощущая всем своим существом какой-то тяжелый гнет безысходности, который я постоянно испытываю под этими мрачными свода-

ми. И этот тошнотворный запах горячего воска, невымытых тел и грязной засаленной одежды, в которую одеты околачивающиеся в церкви старухи... Я ждала какой-то подсказки. Ведь не случайно же кофе указало мне именно на эту церковь...

Я выбралась на свежий воздух и, отмахиваясь от назойливых пьянчужек, которые так и норовили схватить меня за руки, вернулась в машину.

Уже стемнело. Я завела мотор и покатила по оранжевым от уличных фонарей улицам в противоположную от церкви сторону. Я ужасно любила такие прогулки. Через каких-нибудь час-два город совсем опустеет, и тогда можно будет прибавить скорость... Но тут в меня чуть не врезалась милицмейская машина. На огромной скорости (о которой я только что мечтала) она вылетела из проулка и помчалась в сторону набережной. Мне трудно объяснить, почему я поехала следом. Скорее всего в воздухе произошло какое-то движение, которому просто невозможно было не подчиниться. А еще я почувствовала запах крови. Пусть это была аллегория, но ведь она все равно была. Я ФИЗИЧЕСКИ ощутила страх смерти. Волосы на моей голове зашевелились, а кожа покрылась мурашками. Странное это было состояние. Да еще эти фиолетовые, какие-то воспаленные сумерки с накрапывающим тепленьким дождичком, словно это вовсе и не дождь, а капли яда... Фантазия моя разыгрывалась по мере того, как я приближалась к милицмейской машине. Она и еще пять таких же слетелись желтыми пчелами к кинотеатру «Экран». Я то-

же поставила свою машину неподалеку, вышла из нее и подошла к знакомому следователю прокуратуры, который курил в сторонке и чего-то ждал.

– А ты как здесь оказалась? – спросил он, и по его тону я поняла, что лучше держаться от него подальше.

– Кино пришла посмотреть, а что?

– Так я тебе и поверил. Вроде у тебя и рации нет, как тебе удастся всегда быть в курсе всего?

Но я уже не реагировала на подобные вопросы. Это люди от зависти говорят такие гадости. «Зависти – гадости» – какая славненькая вышла рифма.

– У меня агентура по всему городу, – важно отозвалась я и отошла от противного следователя. Эти работнички не признавали меня как класс. Но когда им чего-нибудь было надо, причем очень срочно и, конечно, бесплатно, они почему-то сразу меняли тон и готовы были целовать мне ноги.

И все-таки мне удалось проскользнуть в кинотеатр, куда, собственно, и направились пассажиры милицейской машины, за которой я сюда приехала.

Миновав стеклянную дверь, я прошла к лестнице и начала осторожно спускаться в буфет. Там, внизу, располагался зимний сад, стояли кадки с пальмами и разными тропическими растениями, в мраморный бассейн струилась вода, повсюду красовались напольные вазы с орхидеями (как выяснилось, настоящими)... Все в городе знали, что кинотеатр «Экран» превратился в увеселительное заведение, не то ре-

сторан, не то казино, не то и вовсе бордель. И только спустившись вниз и подойдя к краю бассейна, я поняла, что вода в нем красная не из-за подсветки, а из-за крови. За людьми, которые столпились возле лестницы, ведущей уже в воду, я увидела обнаженную, очень белую женщину. Без головы. Голову кто-то, очевидно, совсем недавно, вытащил за волосы из воды. Волосы так и остались торчать кверху. Рваный, с какими-то бурыми ошметками срез на шее потемнел от запекшейся крови. Я смотрела на лицо мертвой женщины и не могла понять, почему мне сегодня так не везет на красивых людей. Я понимала, что вижу перед собой труп, но, даже глядя на него, можно было запросто представить себе, как выглядела эта несчастная при жизни. Очень худое лицо, неимоверно длинный нос, высоко приподнятый к самому носу маленький рот, полуоткрытый таким образом, каким он был и до смерти женщины: из него выглядывали два «заячьих» передних зуба. Казалось, объявился палач-эстет, который принял решение очистить город от некрасивых людей.

И тут я заметила нечто такое, из чего сделала вывод, что подобное скопление людей в форме вызвано не просто этим зверским убийством, которых и так довольно много происходит в нашем городе, а чем-то из ряда вон выходящим.

Женщина лежала, слегка раздвинув ноги, и, когда я сделала попытку приблизиться к ней, мне чуть не стало плохо. Между ногами ее виднелся достаточно длинный, покрытый шерстью, толстый и противный... Хвост.

Глава 3

Кофейный пейзаж

Когда я вышла из «кинотеатра», была уже совсем ночь. Из обрывочных разговоров, суммируя фразы, оброненные в моем присутствии представителями закона, я поняла, что кто-то позвонил по «02» и сказал, что в «Экране» произошло убийство. И все. И только после того, как прибыла оперативная группа, по радиии сообщили в вышестоящую организацию, и к кинотеатру потянулись черные и белые «Волги», «Мерседесы», начиненные губернаторскими и мэскими чинами. Прогуливающаяся публика пыталась пробиться внутрь кинотеатра, но у дверей уже выставили охрану. Мне просто повезло, что я вовремя успела все увидеть и практически незаметной выскользнуть из толпы.

Такого в нашем Тарасове еще не было. Страшное убийство. Бессмысленное. Жуткое.

Кто же была эта женщина? А хвост? Для человека это редчайшая аномалия. Как случилось, что она оказалась в этом бассейне с отрубленной (или отрезанной) головой? Вопросы, одни только вопросы...

Я медленно выезжала с площадки, с трудом маневрируя между машинами, запрудившими набережную. Оказавшись на пустой улочке, как раз за сквером, я прибавила скорость и

собралась уже повернуть в сторону своего дома, как вспомнила про церковь. Я чувствовала, что мне просто необходимо попасть туда еще раз. Ведь не просто так мне выпал этот кофейный пейзаж.

Я подъехала к церкви, припарковав машину прямо у ограды, и вышла. Достала из кармана пачку сигарет и закурила. Подняла голову и вгляделась в церковные купола. Больше всего мне здесь нравилась колокольня, высокая узкая башня с вытянутыми стилизованными почему-то под готику окнами. Широкие двери церкви были уже закрыты. Однако где-то наверху светилось мертвенным, голубовато-розовым светом единственное оконце. Быть может, именно там сейчас сидит человек, который может пролить свет на исчезновение Сони Коробко? Мне почему-то казалось это несколько нереальным.

Я решила войти в церковный сквер и посидеть немного, прийти в себя после созерцания хвостатой женщины, спокойно покурить, подумать. В голову лезли самые дурацкие мысли... Вспомнился Виталий Болотников, друг Сережи, который лежал сейчас на цинковом столе и уже ничего не чувствовал, а быть может, и после смерти там, наверху, в раю (мне почему-то кажется, что ада не существует) закручивал свои гайки или шурупы, словом, занимался любимым делом... Я сидела и курила, как Синяя Гусеница у Льюиса Кэрролла: «Сижу-у-у... Курю-у-у...», пока не заметила чуть поодаль, в глубине сквера, какое-то белое пятно. Как приви-

дение. Вот его мне в ту минуту как раз и не хватало. Доброе и безобидное привидение. Не много ли для одного дня? Но тем не менее я поднялась и пошла на это пятно, пока не наткнулась на сидящую на скамейке женщину в белом. Вокруг была такая темнота, что мне пришлось достать фонарик, который я всегда ношу с собой. Я включила его и направила луч прямо в лицо женщины. Она никак не отреагировала на свет. Скорее всего она была либо мертвецки пьяна, либо просто уснула, уколовшись какой-нибудь наркотой. Но самое фантастическое в этом зрелище было то, что женщина эта была в свадебном платье. Луч моего фонаря скользил по кружевам, которые своим потрепанным видом напоминали увядшие лепестки цветов, по черным локонам, лежавшим достаточно живописно на груди «невесты». В руках она держала живые цветы, которые еще продолжали благоухать, хотя, судя по всему, давно уже находились без воды...

– Уже поздно, вставайте. – Я тронула за плечо женщину и хотела помочь ей подняться, но она как-то странно качнулась и вдруг упала на левый бок. Волосы ее свалились с головы и оказались как раз на моих ногах. Я снова направила фонарик на ее лицо и зажмурилась, как это делают дети, когда не хотят что-нибудь видеть... Если верить фотографиям, то передо мной сидела, а если точнее, лежала Соня Коробко. Собственной персоной. Но почему в свадебном платье? Я попыталась снова посадить ее, но она упорно продолжала клониться влево. И тут я почувствовала, что мои руки в чем-

то липком. Я взглянула и увидела, что они в крови. Тогда я схватила сидящую передо мной женщину за руку. Я не хотела верить в то, что уже в течение нескольких минут пытаюсь помочь подняться труп. Но это было именно так. Надо было срочно звонить в милицию, вызвать экспертов и прочую братию, но у меня появилась уникальная возможность самой обследовать тело. Поэтому я, взяв женщину под мышки, потащила ее в сторону ворот. Она была достаточно тяжелая. Цветы выпали из ее рук и остались лежать на земле. Я дотащила тело до машины и погрузила на заднее сиденье. Тело уже начало окоченевать. Мне надо было торопиться. Закрыв дверцу машины, я вернулась за букетом цветов. Теперь самая малость имела огромное значение. Тем более букет.

* * *

Дома я первым делом позвонила Сергею. Я не могла себе представить, как буду одна поднимать тело к себе на этаж. Больше всего я боялась, что он будет пьяный после посещения морга. Но я ошиблась. Он был совершенно трезв и, можно подумать, ждал моего звонка. Так, во всяком случае, мне показалось. Я попросила его срочно приехать ко мне. Но, понятное дело, ничего не стала объяснять. Наверно, он подумал, что нам пора как-то определиться в отношениях. В таком случае его ждал «сюрприз». Я встретила его возле подъезда.

– Слушай, Сережа. У меня к тебе большая просьба. Если ты сочтешь это опасным, можешь отказаться. Я предупреждаю сразу, что не обижусь на тебя... Но одна я не справлюсь.

– Господи, да не говори ты загадками, – нахмурился он. – Страшнее, чем то, что я сегодня видел, уже не бывает... Что надо делать?

– Поднять одну тяжелую вещь ко мне домой.

– Надеюсь, что это не труп, – произнес он таким тоном, что мог предполагать все, что угодно, кроме этого. В принципе он рассуждал как вполне нормальный человек.

– Именно труп, – осторожно произнесла я и стала ждать реакции.

– Я же серьезно.

– И я серьезно. – Я открыла дверцу и посветила фонариком в салон машины. – Пойми, она убита точно так же, как твой приятель. Выстрел в спину, если я правильно успела разглядеть. Или – удар ножом. Это та самая девушка, за поиски которой мне заплатили.

– Но ведь ты рискуешь... А как ты потом докажешь, что эту девушку притащила сюда мертвой, а не убила у себя дома?

– Ты прав, это опасно. Но мне надо обследовать ее, я сделаю все для того, чтобы как можно больше узнать об убийце. А что, если ее убийца убил и твоего Виталия? – Похоже, это был мой последний козырной аргумент, и он сработал.

Сергей помог мне вытащить тело из машины, и мы вместе подняли его в квартиру.

– Следов крови не было? – спросила я, укладывая тело на полу в прихожей, пытаюсь одновременно выпрямить окочевшие конечности и извлечь из-под него ковер.

– Нет, я смотрел, – ответил потрясенный увиденным Сергей. – Послушай, как ты можешь вот так спокойно возиться с трупами? Теперь я понимаю, почему у нас с тобой ничего не получается... Тебе же после таких психологических нагрузок не то что любви никакой не нужно, тебе бы просто восстановиться и не сойти с ума...

– Послушай, ты можешь, конечно, уйти, но вообще-то мне надо будет через час увезти эту бедняжку назад, туда, откуда я ее забрала. Я могу рассчитывать на тебя?

Он лишь молча кивнул головой и ушел в комнату. А я включила весь свет, какой только был у меня в прихожей, принесла настольную лампу и направила ее на лицо женщины. Сомнений не оставалось – передо мной лежала Соня Коробко. Гордая, независимая. Ее сестра была права, когда говорила, что не может Соня уйти на два дня, не сообщив, где она находится. Видимо, она просто не могла сообщить. Я отрезала кусочки кружева от платья и положила их в целлофановый пакет. Затем взяла соскоб с ее лица, чтобы определить, какой пудрой она пользовалась перед смертью. Счистила грязь из-под ногтей, с подошвы туфель, подняла подол длинного платья и сняла с нее интимный предмет женско-

го белья – и все это упаковала в пакеты. Черные локоны, которые так потрясли меня еще в сквере, оказались дешевым париком, который тоже нашел себе место в коллекции вещей. Не забыла я и про букет, перевязанный розовой шелковой лентой. «В наших магазинах так не перевязывают», – мелькнуло у меня в голове. Значит, придется искать того, кто это сделал... И вдруг меня осенило.

– Сергей, – позвала я его, – скажи, а во что был одет твой Виталий?

Он высунул голову из-за двери и, стараясь не смотреть на пол, ответил:

– Ничего особенного, обычная футболка и джинсы.

А мне в голову почему-то полез свадебный черный, с бабочкой, костюм. Это все от напряженного дня. Я наклонилась к лицу Сони и потянула носом, пытаюсь определить, пила ли она сегодня спиртное. Но от лица ничем, кроме пудры и помады, не пахло. Даже запаха духов я не уловила.

– Ты готов? – спросила я.

– Я уже давно готов, – ответил белый, как бумага, Сергей и тяжело вздохнул. Мы отвезли тело Сони в церковный сквер. Потом я доставила домой моего почти бесчувственного помощника и вернулась домой. Было самое время звонить Волостнову.

Глава 4

Ночь. Двое мужчин и одна женщина

– Это вы, Игорь? – спросила я, стараясь придать своему голосу некое подобие беспечности. – Вы извините, что я так поздно вас беспокою, но мне необходимо встретиться с вами... – Я бросила взгляд на часы и подумала, что в полночь ему могут звонить только близкие женщины, родители или закадычные друзья. Да и то в исключительных случаях. Я же себя не могла отнести ни к одной из этих категорий. Значит, надо импровизировать.

– Кто это? – услышала я довольно приятный мужской голос, и мне показалось, что я где-то уже слышала его раньше.

– Одна ваша знакомая, которую вы совсем забыли.

– Неужели Полина?

– Наконец-то. А я уж думала, что вы меня по голосу и не узнаете...

– У вас, Полина, такой голос, что его невозможно спутать ни с каким другим.

Я подумала, что он неоригинален. Разве можно разговаривать с девушкой такими избитыми разговорными клише?

– У меня самый обыкновенный голос. Я все ждала, когда вы дадите о себе знать, да вот не дождалась и решила сама

о себе напомнить.

– Правильно сделали. Как ваши экзамены?

– Какие?

– Похоже, вы уже заучились... Вы, кажется, собирались поступать в консерваторию, или я что-то спутал?

– А-а... Это? Вы ничего не спутали. Я раздумала туда поступать. Все равно меня после ее окончания ждала бы безработица. Да и вообще, у посредственных музыкантов и жизнь посредственная, не то что у вас...

– Что вы, вы просто заидеализировали мою профессию. Сижу целыми днями дома и строчу на машинке. Даже руки устали.

– По-моему, вы просто не хотите мне говорить, что к вам из Москвы кто-то приехал... Это случайно не девушка?

Мне уже и самой надоел этот дешевый треп, но раз существует Полина, которая собиралась поступать в консерваторию, то приблизительно так она и должна разговаривать. Судя по ее наполеоновским планам, ей лет двадцать с небольшим.

– А откуда вы знаете о девушке?

– Вы же не хотите, чтобы я ответила вам в рифму по Чуковскому?

– Нет, не хочу. Я хочу, чтобы вы ко мне сейчас приехали. Такси за мой счет. Идет?

– Идет. А что мы с вами будем делать?

– То же, что и в прошлый раз... – он засмеялся.

Нет, правда, у него был такой приятный голос, что я почти собралась провести с ним ночь, но вовремя одумалась. Как-никак, а звоню-то я ему по серьезному делу. Убили его знакомую.

– Игорь, я вас видела с одной особой... Не знаю даже, как сказать, но она мне не понравилась... Я понимаю, конечно, вас наверняка привлек ее интеллект, но разве красота – это не самое важное для девушки?

– Я понял, о ком вы. Это Соня – просто моя хорошая знакомая.

– Вот видите! – с чувством воскликнула я, изо всех сил изображая приступ ревности. – И после этого вы хотите, чтобы я приехала к вам? Нет уж, дудки, я плотоядная... И к тому же еще собственница. Так что выбирайте: она или я.

– Вы меня не так поняли... И вообще, Поля, почему мы снова на «вы»?

– Не знаю, так получилось. Так что вы мне еще расскажете о своей Соне? Что она много спит и видит прекрасные сны?

– Не знаю, сколько ОНА спит, но мы с тобой сегодня точно не поспим... Приезжай, правда, у меня есть отличное вино, закуска, даже персики...

Похоже, я настолько вошла в роль, что уже представила себя в обществе мужчины, распивающей с ним вино и уплетающей персики. И это после всего, что со мной произошло за сегодняшний день?

– Нет, приезжай лучше ты ко мне, – предложила я.

– Но ведь у тебя родители...

– Они уехали, а я временно живу у подруги.

– Значит, ты не одна?

– Одна. Совсем одна. Приезжай. Записывай адрес... Можешь прихватить с собой вино и персики... А я приготовлю что-нибудь тоже... Идет?

– Еду! – Он бросил трубку и, судя по содержанию нашего разговора, побежал принимать душ.

А мне стало смешно. Но, с другой стороны, надо же мне познакомиться с человеком, который занимал в жизни Сони не последнее место. Может, он был ее любовником?

Моему цинизму нет предела. Так уж я устроена. Больше того, при мысли о том, что сейчас приедет совершенно незнакомый мне мужчина с приятным голосом (это пока все, что я о нем знала), я, как бы это сказать, развеселилась. Тем более что я и представления не имела, как буду выпутываться из этой ситуации.

Как я и предполагала, он приехал через сорок минут. Я верно рассчитала время, которое он потратит на душ, одевание, сборы и дорогу от своего дома до моего на такси.

И все-таки, услышав звонок в передней, я вздрогнула. Я тоже подготовилась к его приходу. Тоже приняла душ, надела маленькое черное платье, совершенно не закрывающее ноги – предмет моей гордости, уложила феном волосы, подкрасилась чуть-чуть, чтобы скрыть следы усталости, разморозила и даже успела запечь в микроволновке курицу в сме-

тане.

Я открыла дверь и поняла, что не напрасно разыграла всю эту комедию. Такого красивого парня я еще не встречала. Понятное дело, что с подобной внешностью он не должен монашествовать. Ею должны наслаждаться, поклоняться ей, как солнцу, ветру или воздуху, ею должны восхищаться, как произведением искусства, ну и, конечно, пользоваться обладателем этой внешности при случае. Как собиралась это сделать и я. Ведь только мужчины считают, что они используют женщину. На самом-то деле очень часто выходит наоборот. Разве не я сейчас разыграла Игоря Волостнова и заманила его к себе?

Только что теперь будет и насколько нравственно то, что я задумала?

– Проходите, пожалуйста, – я посторонилась, пропуская его в прихожую. – Полина сейчас придет.

– Так вы и есть ее подруга? – Он, как мне показалось, облегченно вздохнул. – А я уж подумал, что напутал что-то с адресом.

– Проходите, а я дождусь ее и тоже уйду. У меня в соседнем подъезде парень живет, соскучился, наверное.

Игорь Волостнов был блондином с карими глазами. Матовая кожа, розовые щеки, изумительной формы нос и губы.

Я привела его в комнату, где уже был накрыт стол, усадила, сама села напротив.

– А теперь послушайте, что я вам скажу. Никакой Полины

нет и не будет. Я просто так вам позвонила и разыграла вас. Мне понравился ваш голос. Можете прямо сейчас уйти, – помнится, эту фразу я уже кому-то говорила сегодня, кажется, Сергею, – но можете и остаться. Если я вам понравлюсь.

Мой внутренний голос сказал мне, что во мне заговорила шлюха. Но я сделала вид, что ничего не услышала.

– Вот как? – Похоже, Игорь растерялся. – Уже ночь, поэтому я предпочту остаться здесь. Вы мне нравитесь, и даже больше, чем Полина.

С этими словами он достал из пакета бутылку вина и несколько пушистых аппетитных персиков.

Позже, когда мы уже полулежали на диване и непринужденно болтали ни о чем, я снова попыталась расспросить его о Соне.

– Ты ее, говоришь, видела?

– Нет, откуда... Я же все это придумала.

– Но почему же ты тогда прошлась по ее внешности? Или мне показалось?

– А что, она очень красивая?

– Представь себе, да. Она особенная, не такая, как все. Если бы ты увидела ее фотографию, то наверняка не поняла бы меня.

А я вдруг поняла, что переоценила свою шутку. Что делать так вообще нельзя. Что это верх легкомыслия и все такое... Но дело было сделано, Игорь лежал на моем диване и рассказывал мне о Соне.

Конечно, в голове моей непутевой уже роились новые планы. Но все они начнут действовать только утром, а что делать с Игорем до утра? Как ему объяснить, что у меня пропало всякое настроение, не говоря уже о желании?.. Таня-женщина ушла, хлопнув дверью, уступая место Тане-сыщику. Последняя только что представила себе, как назавтра, узнав о смерти Сони, ей позвонит Игорь и расскажет об этом, а она, оценив по достоинству его импульсивный поступок и посочувствовав ему, будет делать вид, что ничего не знает. Я понимала, что это подло. Но у меня работа такая. Кто чем промышляет. Кто как зарабатывает деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.